

«Космический монах Филофей», каковым он себя объявляет, в миру профессор-генетик Крыльцов, некогда всемогущий руководитель закрытой лаборатории по технологии «микродов» — искусственно рождаемых людей, удалился в годы перестройки в космос, на орбитальную станцию. Ушел, если можно так выразиться, в Новый Скит во Вселенной, где пребывает в глубоких раздумьях, в покаянии и побуждениях в искуплении вины. Он наблюдает с орбиты за грешной Землей, пытаясь постичь суть нашего тревожного времени. Все происходящее ученые стремятся объяснить сквозь призму своей науки. Творимое нами зло, убежден он, не проходит бесследно. Оно отражается на нашей генетической «матрице».

Филофей приходит к страшно-умозаключению: человечество ждет неминуемая катастрофа. Но всеокрушающий апокалипсис как высшее наказание грянет не во внешних катаклизмах, не извне, а изнутри — он зреет, накапливается в душе человека, в поколениях, в роду. И каждый из нас помечен тавром предсказательницы Кассандры, которая предвещала людям все худшее в их судьбе и за это была убита. Пессимисты ненавидны во все века...

В роли современной Кассандры выступает Филофей. Но его пророчества, изложенные в специальном обращении к папе римскому, вызывают яростное возмущение масс на планете, которые категорически требуют возврата океанного монаха на Землю с тем, чтобы учинить над ним расправу. Филофей отказывается возвращаться и решает покончить с собой... На Земле ему нет места, политики используют филофеевский конфликт с землянами в своих популистских целях. Его любовь к женщине оборачивается неотвратимой трагедией. Он выбрасывается в открытый Космос...

Такова примерно сюжетная канва нового романа Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры», который выходит в 12-м номере журнала «Знамя». В то время, как россиянам еще предстоит познакомиться с новым произведением писателя, книга уже вышла в Германии, где занимает сейчас треть строчку в списке бестселлеров, и в Японии, скоро будет опубликована во Франции. Такое предпочтение иностранным издательствам сам писатель объясняет неповоротливостью отечественных, которым требуется на публикацию книги год-полтора.

— Я сейчас с волнением жду выхода романа в «Знамени», — говорит мне Чингиз Торекулович. — Для меня особо важен русский читатель, реакция которого во многом подсказывает мне — состоялась ли книга. Со временем займусь ее переводом на киргизский.

Мой новый роман тяготеет, пожалуй, больше к философской прозе, в каком-то смысле он и фантастический, — продолжает писатель. — В «Тавре Кассандры» нет прежнего Айтматова. Нет привычной для него восточной тематики, родных образов, отечественной географии... Трагический взгляд Филофея на мир — это в определенной степени мой собственный.

Одна австрийская читательница, — кстати, в Австрии в этом году писатель получил высшую литературную премию года, государственную, как самый читаемый автор в немецкоязычных странах, — описывая его творческую эволюцию, утверждала, что Айтматов вначале был писателем национальным, потом стал имперским (то есть советским), а теперь, уйдя в мировые пространства, космополитическим.

А недавно в «Литературной газете» появился шарж, в котором Чингиз Торекулович изображен эдаким башкастым типом в национальном уборе, обнимающим по правую и левую руку сразу два готических шпиля. И подпись: «Азиат в Европе или европеец в Азии». Писатель хотел было обидеться, что автор рисунка, быть может, угадал самое главное.

— Действительно, в новом романе я выступаю носителем космополитической идеи. Я не отрицаю тем самым национальной культуры и ни в коей мере не хочу от нее отдалиться. Без земли нет птицы лету. В духовном плане для меня существует два языка — родной киргизский и такой же родной русский. И сейчас Россия плюс СНГ продолжают оставаться для меня неким совокупным отечеством, объединяющим прежние, канувшие в небытие «советские» пределы. Наверное, это пережиток, это так. Но я не могу от него избавиться, я по-прежнему «тот» человек. И странно, и трагично...

Писатель сожалеет о том, что после распада Советского Союза было сброшено под откос вместе с помом то, что необходимо было сохранить, — опыт взаимодействия разных этносов в межнациональном бытии. Можно построить заводы, космодромы, дороги, но построить мосты межнационального общения гораздо сложнее. Особенно остро он почувствовал эту необходимость на недавней писательской встрече в Кустанае, проведенной российским и казахским пен-центрами.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ ЗАПУСКАЕТ НА ОРБИТУ МОНАХА ФИЛОФЕЯ

Писатель, недавно назначенный послом Киргизии в Бельгии, рассказывает в своем новом романе, судьбе русских за пределами России и пользе космополитизма

Если мы не сохраним приобретенную нами универсальность на почве российского просвещенчества, то мы многое потеряем. Два процесса должны идти параллельно: с одной стороны, развивать неповторимые в своей оригинальной природе национальные культуры и языки, с другой, общими знаменателями современной эпохи должны оставаться русская культура и русский язык. Такова реальность. Увлечение первой стороной грозит привести нас к национальной и культурной самоизоляции. Увлечение второй — к нигилизму и языковому иждивенчеству. Отчуждение опасно. К сожалению, в бывших союзных республиках, отмечает Айтматов, многие деятели, в том числе и от культуры, строят подчас свою политику на спекуляции на национализме. И Россия в этом смысле далеко не исключение, совсем даже напротив... Это давно разбитая колесами истории колея. Но ненависть к «инородцам» никогда не обернется себе благом, та же история свидетельствует — ненависть порождает ненависть, нетерпимость порождает нетерпимость.

И то, что русские уезжают из бывших советских среднеазиатских республик, Чингиз Торекулович считает досадной проблемой. Напрасно, совершенно напрасно они уезжают, поддаваясь обманчивому зову «сосрадательных» русских националистов в России, которые делают на этом факторе свой капитал. Русские уезжают не потому, что их гонят. Отношение к ним в Средней Азии, как и прежде, уважительное, их ценят. И если стало худо, то всем одинаково худо. Бедствуют все одинаково — русские не страдают в ставших независимыми государствах, больше, чем «свои». Никто их не ущемляет. Думать следует о гармонизации и балансе интересов...

...А время течет, порождая, по мнению писателя, новые, еще неведомые перспективы бытия. В романе «Тавро Кассандры» он затронул одну актуальную тему. Речь идет об идее полирелигиозности человека будущего. Ее вынашивает один из героев романа — американский футуролог Роберт Борк.

— Пока что это сугубо гипотетические суждения, но это не

умалает существа вопроса, — говорит Чингиз Торекулович и добавляет: — Я понимаю, вопрос этот очень даже полемичный, способный вызвать самые разные толки, вплоть до проклятий и анафем, но отворачиваться от него некуда.

Мировые религии, послужившие грандиозным фундаментом культурных традиций человечества, вместе с тем по сей день служат разделяющим мир фактором. Жестоко, а подчас непримиримо расставляя лагерь людей по их вероисповеданиям и конфессиям со всеми вытекающими отсюда последствиями. И непременно тавро — свой, чужой!.. А если человек согласно своим убеждениям желает быть для всех своим? Разумеется, пути к Богу могут быть различными согласно верованиям — многообразия систем лишь подтверждает неисчерпаемость и бесконечность познания Божественного мира. Но если человеку будет дана возможность, следуя своей доброй воле, быть приверженцем всех или нескольких религий, допустим, в кругу

Пока же действительно писатели — и в первую очередь старая гвардия — молчат. Это Айтматов объясняет несколькими факторами. Прежде всего тем, что нашу традиционную литературу захлестнул поток западной, в которой оказалось и много мусора. Читательская масса оказалась отчасти похороненной литературой массовой. В этих условиях некоторые писатели старшего поколения, видимо, насторожились. Они зачастую не знают, что им теперь сказать.

С другой стороны, появилась новая для России, шумно заявляющая о себе «постперестроечная» литература, которая резко отличается от традиционной и которую Айтматов называет «литературой на убой». Ее представители не имеют никаких ограничений, никаких табу. Они стремятся извлечь из человеческой природы все тягостное, то, что мы, старшее поколение, считали недостойным, разрушительным началом. Табу же, которые существуют в культуре, в религии, в человеческой душе, просто необходимы. Это знак самосохранения — в противном случае, если его нет, человек превращается в животное.

Вот такое пренебрежение, полагает Айтматов, который не хочет называть никаких имен, свойственно молодому отечественному постмодернизму. Конечно, и в нем есть опыт, который волеется в общее литературное дело и, возможно, послужит обновлению традиций. «Я не против нее, — говорит Чингиз Торекулович, — но мне с ней не по пути. Я иду своей дорогой».

Жизнь Айтматова, насколько могу судить, всегда складывалась благополучно по всем параметрам. Во всяком случае, внешне. Его замечательные книги от «Джамили» и вплоть до «Плах» широко издавались на всех языках народов СССР и мира. Он был народным писателем и академиком Киргизии. Не обходила его вниманием и советская власть: Герой Соцтруда, депутат, многократный лауреат Ленинской и Госпремии. В то же время он видел пороки режима и талантливо обличал то, что было в них для него неприемлемо. Возможно, и Айтматову приходилось жертвовать своей творческой свободой, идти на какие-то уступки совести?

— Самоборение духа не всегда заметно внешне. Возможно, я из таких, — отмечает писатель. — Я сказал в книгах все, что мог и хотел сказать. Да, мне оказывали знаки внимания, но я ни о чем не сожалел. Потому что и своим творчеством, и своей общественной деятельностью, надеюсь, внес вклад в наступление демократии. Для нашего поколения в этом состоял смысл жизни.

Вопрос, на который интеллигенция не нашла ответа, заключается в следующем: что же произошло у нас с демократией? Почему она во многом оказалась столь дискредитированной? Чем объяснить чудовищный разгул коррупции и преступности? Никто из нас не предполагал, что торжество демократии будет сопровождаться таким крушением человеческого духа. Это величайшая загадка, таинство, необъяснимый рок.

Почему же Айтматов вдруг решил избрать дипломатическое поприще? Злые языки утверждали, что Айтматов отпраздновал в благополучное Великое герцогство Люксембург для того, чтобы там иметь возможность адали от перестроечного урагана спокойно поработать.

— Может быть, и это обстоятельство сыграло свою не последнюю роль, — соглашается писатель, — но оно не было главным. Перестройка тогда достигла своего зенита, и многие пытались прыгнуть себя на новой стезе. Помните, сколько президентов появилось из докторов филологии, сколько лидеров из завлабов и младших научных сотрудников. Возможно, и меня унесло тем ветром на дипломатическую арену. Попав в водоворот событий, я в течение 3 или 4 лет не имел возможности ничего писать.

После «Тавра Кассандры» я возвращаюсь на круги своя, в свою стихию, опять к родным мне людям среди гор и степей — пишется история любви, очень волнующая. Это поистине великая любовь в годы войны, мне очень хочется завершить ее побыстрее, как невольный отклик к 50-летию Победы...

ПАРИЖ.